

Виктория Андреанова

Страшные
истории.
Серая пыль

Виктория Андреанова

Страшные истории. Серая пыль

«Автор»

2026

Андреанова В.

Страшные истории. Серая пыль / В. Андреанова — «Автор», 2026

Алексей, обычный москвич, сталкивается с потусторонним: за ним тянется призрачная тень из забытого посёлка Анисовский. С помощью лаборантки Марины он готовит особые растворы — один делает призрака видимым, второй способен разорвать связь миров. Выполнив ритуал, Алексей освобождает дух сторожа, но находит загадочный ключ и понимает: это не конец, а начало новой тайны. В его жизнь прочно вплетается мистика, и прошлое больше не отпустит.

© Андреанова В., 2026

© Автор, 2026

Виктория Андреанова

Страшные истории. Серая пыль

Посёлок Анисовский будто специально прятался от солнца: дома жались друг к другу, а за крайними дворами сразу начиналась полоса высокой травы, переходящая в кладбище. Старый дом на отшибе стоял, как сторожевой исполин — тёмный, с покосившимся крыльцом и окнами, в которых по ночам будто шевелилась сама темнота.

С наступлением сумерек посёлок затихал. Люди закрывали ставни, проверяли замки и старались не смотреть в сторону дома у кладбища. Ходили слухи, что там «снова начинается»: голоса, музыка, шаги, будто кто-то ходит по скрипучим половицам, но никто никогда не выходил наружу. Только девочка в окне — всегда одна и та же, неподвижная, словно вырезанная из тени.

В этот вечер тишину разорвал скрежет металла и глухой удар. Из Саратова ехал предприниматель Алексей, уставший и раздражённый после переговоров. Он хотел успеть до темноты, но судьба распорядилась иначе: на въезде в посёлок у машины спустило колесо.

Алексей выругался, хлопнул дверью и огляделся. Улицы были пусты. Ни собак, ни детей, ни даже кошек. Только редкие тусклые огни в окнах и ощущение, будто за ним наблюдают. Он достал домкрат и запаску, стараясь не думать о том, как быстро темнеет.

Пока он возился с гайками, из старого дома донёсся звук — не то смех, не то шёпот, перекрываемый резкой, старой мелодией, будто кто-то крутил пластинку на пределе громкости. Алексей замер, прислушиваясь. Ему хотелось убедить себя, что это просто подростки, но в посёлке не было подростков. По крайней мере, никто их не видел.

Когда он наконец поставил запаску и вытер руки ветошью, из темноты у забора появилась фигура. Это была та самая девочка из окна. Она стояла неподвижно, глядя на него большими, слишком спокойными глазами.

— Не надо тут оставаться, — прошептала она, и голос её звучал не по-детски твёрдо. — Они уже начали. В этот раз они выходят.

Алексей хотел спросить, кто «они», но девочка резко повернулась и исчезла в темноте, будто её и не было.

Он сел за руль, собираясь уехать, но мотор не заводился. Тишина стала плотной, почти осязаемой. И в этой тишине он вдруг понял: музыка из дома больше не играла. Теперь она звучала у него в голове.

А потом в окнах старого дома зажёгся свет — сразу во всех, будто дом наконец проснулся. И из-за двери донёсся первый, осторожный скрип.

Алексей хлопнул дверью машины, но звук вышел глухим, будто его тут же проглотила тишина. Мотор не заводился, а ключ будто стал чужим в руке — слишком гладким, будто сточенным. Он посмотрел на дом у кладбища и вдруг понял: раньше там было три окна на втором этаже. Теперь их стало четыре.

«Это дождь, усталость, тени играют», — пробормотал он себе, но голос прозвучал так, будто кто-то другой повторил фразу следом, чуть с другим ритмом.

Из темноты снова появилась девочка. На этот раз она не шептала — она смотрела прямо, и в её глазах Алексей увидел отражение не улицы, а длинного коридора с дверями, которых не было в Анисовском.

— Они не выходят, — сказала девочка, и теперь её голос звучал как эхо из трубы. — Они входят. В тех, кто остаётся.

И тут музыка вернулась. Только теперь это была не пластинка: мелодия шла из его собственного кармана — из выключенного телефона. Алексей выхватил его: экран был чёрным, но из динамика лился вальс, который он слышал однажды в детстве, когда бабушка ставила старую пластинку. Тот самый, что обрывался на третьем такте. Сейчас он не обрывался.

По улице прокатился порыв ветра, и в каждом дворе что-то звякнуло — будто разом ото-звались все ложки, вилки и ключи в домах. Люди за ставнями зашевелились, но не выходили. Они знали: если выйти, можно не вернуться собой.

Алексей шагнул к девочке, сам не понимая зачем.

— Кто ты? Почему ты не прячешься?

Девочка чуть наклонила голову, будто прислушиваясь к чему-то за пределами слуха.

— Я — сторож. Пока я здесь, дверь не открывается полностью. Но он уже здесь. Тот, кто хочет, чтобы все вышли.

Она протянула руку, и на секунду Алексей увидел не детскую ладонь, а старую, морщинистую, с тёмными прожилками, как у древней иконы. А потом образ скользнул обратно в детское лицо.

В этот момент из дома донёсся первый настоящий звук — не музыка, не шёпот, а тяжёлый, медленный шаг по половицам. И следом — второй, уже не в доме, а где-то рядом, будто кто-то шёл по невидимой лестнице прямо в воздухе.

Алексей почувствовал, как по спине ползёт холод, и не только от ветра. Ему вдруг показалось, что его воспоминания начинают рассыпаться: он не мог вспомнить имя жены. На долю секунды. А потом вспомнил. Но эта доля секунды была слишком долгой.

Свет в окнах дома вспыхнул и погас, как будто дом моргнул. И в этой вспышке Алексей увидел на крыльце не пустоту, а фигуры — размытые, полупрозрачные, будто сотканные из дыма и старых фотографий. Они не смотрели на него. Они ждали.

Девочка схватила его за рукав, и её пальцы были ледяными, но живыми.

— Садись в машину и уезжай. Прямо сейчас. Даже если мотор не заводится — просто сиди внутри. Машина — это железо, колёса, дорога. Это свой мир. Держись за него.

Он рванул дверцу, упал на сиденье и захлопнул её, будто это была крышка сундука. И в тот момент, когда замок щёлкнул, музыка в телефоне оборвалась на том самом третьем такте.

Тишина стала такой плотной, что в ней можно было резать ножом.

А потом в окне второго этажа снова появилась девочка — теперь она стояла не на улице, а внутри, у того самого четвёртого окна, которого раньше не было. Она прижала палец к стеклу и прошептала что-то, чего Алексей не расслышал. Но ему показалось, что она сказала: «Прости».

##

Ночь в Анисовском стала не просто тёмной — она будто налилась тяжестью, как густая смола. Кладбище рядом с домом казалось продолжением самого здания: старые покосившиеся кресты тянулись к окнам, будто хотели заглянуть внутрь, а туман стелился по земле, скрывая тропы и размывая границы между «тут» и «там».

Алексей сидел в машине, вцепившись в руль, и старался дышать ровно. Стекло перед ним запотело, и в этом матовом налёте ему чудились чужие лица — мимолётные, как вспышки воспоминаний, которых у него никогда не было. Он тряхнул головой, но ощущение не пропадало: будто кто-то осторожно подкладывал в его память чужие истории.

Девочка снова возникла у капота — не из темноты, а будто из самого воздуха, как будто пространство на секунду стало жидким и выпустило её наружу.

— Ты не понимаешь, — прошептала она, и её голос теперь звучал глубже, старше, будто говорил не ребёнок, а кто-то, проживший много жизней. — Это не дом. Это дыра. Она держится на чужих слезах и на том, что люди боятся сюда смотреть.

Алексей сглотнул, пытаясь удержать реальность за привычные края: ключи, руль, запах бензина.

— О чём ты? Какая дыра?

Девочка кивнула в сторону кладбища.

— Раньше тут был погост для тех, кого не хотели помнить. Ведьм, чужаков, тех, кто ушёл не по-людски. Их хоронили без имён, без молитв, просто чтобы земля приняла. А земля не хотела. Она выталкивала их обратно, в сны, в шёпот, в тени. Потом дом построили прямо на костях, и всё сплелось: земля, стены, страх. Теперь это место живёт по своим правилам.

Она приложила ладонь к капоту, и металл под её пальцами на миг потемнел, будто покрылся инеем, хотя воздух был сырым и тёплым.

— Они не злые. Они просто хотят выйти. Но чтобы выйти, им нужен проводник — тот, кто сможет удержать дверь открытой. В этот раз они выбрали тебя. Не потому что ты особенный, а потому что ты чужой и у тебя сломалась машина. Это знак для них: ты застрял между дорогой и этим местом.

Алексей почувствовал, как по спине ползёт холод, и не только от ветра.

— А ты? Ты тоже... оттуда?

Девочка опустила глаза, и на секунду её силуэт дрогнул, как отражение в воде.

— Я была одной из них. Но я вспомнила, кто я. И теперь я держу дверь закрытой. Пока могу. Но силы уходят. Каждый раз, когда «начинается», мне труднее.

Из дома донёсся тихий, протяжный звук — не музыка, не голос, а что-то среднее, будто кто-то очень долго выдыхал в пустую комнату. Окно на втором этаже снова вспыхнуло тусклым светом, и в нём мелькнули тени — не человеческие, а вытянутые, неправильные, как если бы фигуры пытались собрать себя из локутов тьмы.

— Что мне делать? — хрипло спросил Алексей.

Девочка посмотрела на него, и в её глазах он снова увидел тот длинный коридор с дверями.

— Не давай им войти. Держись за то, что принадлежит дороге: железо, колёса, скорость. Если почувствуешь, что мысли становятся чужими, — повторяй своё имя. Повторяй адрес. Держи в голове что-то простое и настоящее. И не смотри долго в окна. В них можно увидеть не себя.

Она отступила в темноту, и на этот раз не исчезла — она просто слилась с ней, как капля чернил в воде.

А потом из дома раздался первый настоящий шаг — тяжёлый, медленный, будто кто-то примерялся к полу, заново учась ходить. И следом за ним — ещё один. И ещё.

Машина вдруг вздрогнула, будто её толкнул кто-то снаружи. Фары вспыхнули сами по себе, выхватив из темноты кусок дороги, покосившийся забор и край кладбища, где над старыми могилами поднимались тонкие струйки тумана, складываясь в очертания фигур.

Мотор завёлся с резким, почти яростным рёвом, как будто сам хотел вырваться отсюда. Алексей вдавил педаль газа, и машина рванула вперёд, оставляя позади тёмный дом, кладбище и девочку, которая стояла у обочины и смотрела им вслед.

В зеркале заднего вида он успел заметить, как она подняла руку — не чтобы помахать, а чтобы на секунду прикрыть глаза, будто от боли. А потом дом и кладбище растворились в темноте, и осталась только дорога, фары и его собственное дыхание, которое никак не хотело становиться ровным.

Дорога будто не хотела отпускать Алексея. Он гнал, вдавив педаль в пол, фары резали темноту, выхватывая то покосившийся забор, то тёмную массу леса, то вдруг — знакомый указатель: «Анисовский — 3 км».

Алексей замер на секунду, а потом снова ударил по педали. Он только что проехал этот поворот. И этот знак. И эту выбоину на обочине.

Он ехал из посёлка. Он точно выехал. Но теперь снова подъезжал к нему.

В зеркале заднего вида мелькнуло что-то странное: на долю секунды вместо его собственного отражения там проступила чужая, вытянутая тень, будто кто-то стоял прямо за сиденьем. Алексей резко обернулся — в салоне было пусто. Только запах сырости, который не мог взяться ниоткуда: окна были закрыты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.